

Наконец, следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство. Реформистская часть правящих верхов в значительной степени деидеологизирована. Характерно, что упоминания о революционных традициях и социалистических идеалах в выступлениях новых руководящих лиц — особенно причисляемых к реформистской фракции — встречаются достаточно редко и имеют порой явно ритуальный оттенок. Между тем последовательная реформистская стратегия, на наш взгляд, не может быть разработана без использования социалистической идеологии и исторического опыта левых сил мира. Это тем более необходимо потому, что деидеологизация не может стать мобилизующим фактором реформистского движения. Склонность прагматиков, стоящих на высоких постах, к отказу от идеологической жесткости объяснима и даже похвальна. Но это как раз и означает, что идеологические задачи реформы не могут быть выполнены в рамках официального курса, и их должны взять на себя демократические левые.

В такой ситуации критическая поддержка наиболее прогрессивных групп в правящей верхушке, разумеется, нужна. Реформистские круги, действующие в рамках официальной системы, заслуживают всяческого одобрения. Но главная задача демократических левых состоит в том, чтобы работать для объединения всех официальных и неофициальных сил, выступающих за действительные перемены. При этом использование новых легальных возможностей, открывшихся после смены высшего партийного руководства, должно играть очень большую роль. Но их надо использовать для того, чтобы, не превращаясь в охвостье официального реформизма, выдвигать собственные идеи и альтернативы, стать самостоятельным фактором перемен. Задача трудная, но выполнимая.

Й. Коста, Ф. Левчик

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ — ЧЛЕНАХ СОВЕТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ

I. Экономика и политика „реального социализма”

1. Экономическая неустойчивость как угроза стабильности политической системы

Первые признаки уязвимости политической системы стран Восточной Европы, системы „реального социализма” советского образца, переживающей постоянно растущие экономические трудности, стали заметны еще в 50-е годы. Так, в июне 1953 г., когда в Чехословакии провели денежную реформу, нанесли тяжелый удар по сбережениям широких слоев населения, чье экономическое положение заметно ухудшилось после экономического подъема первых послевоенных лет, рабочие г. Пльзень и ряда других городов выступили с демонстрациями протеста и стачками. (Kosta, 1978, 83; Tigris, 12).¹

Сразу же за этими событиями, буквально три недели спустя, руководство ГДР выступило с требованием более высокой производительности рабочих, что необходимо, как они утверждали, для преодоления товарного голода — результата однобокой, направленной на накопление и пренебрегающей привычным для населения уровнем жизни экономической стратегии. Объявленное в этом контексте увеличение норм

выработки без соответствующей денежной компенсации в Берлине и в других городах послужило толчком к массовым рабочим демонстрациям, которые окончились кровавой бойней. (Tigris, 10 и далее)

Это были первые серьезные потрясения политической системы „реального социализма” в связи с экономическими трудностями.

Такие же события произошли в Польше в 1956 г. Возмущенные рабочие Познани вышли на улицы в ответ на угрозу сокращения их реальной зарплаты — и на этот раз причиной выступления была политика преимущественного развития тяжелой промышленности, что влекло за собой отставание производства потребительских и сельскохозяйственных продуктов. И на этот раз народные волнения были подавлены силой. (Tigris, 15, 46)

Восстание в Венгрии в том же 1956 г. было вызвано в основном факторами политического характера. Однако и здесь низкий уровень жизни — результат сталинистской линии „социалистической индустриализации” — способствовал накоплению недовольства, неудовлетворенности, вылившейся в восстание, жестоко подавленное советской военной машиной (Tigris, 15 и далее, Heller/Feher, 68 и далее).

Перечислим последующие вехи социально-политического эффекта хозяйственных „узких мест” и кризисов: Новочеркасск в 1962 г., города польского Поморья в 1970 г., Радом и Варшава в 1976 г., румынский горнодобывающий центр в долине Джиу в 1977 г. (Tigris, 17 и далее).

Во всех упомянутых случаях мы имеем дело с чисто рабочими протестами, вызванными нехваткой товаров, завышенными нормами выработки, ростом цен на потребительские товары, т. е. наступлением на и без того низкий жизненный уровень.

Проявления экономического кризиса европейской части советской империи, сопровождающиеся наиболее разрушительным воздействием на политическую систему, имели место в Чехословакии в 1968 г. и в Польше в 1980 г. В Чехословакии первопричиной послужил экономический спад в 1962–1964 гг. (Kosta, 1978, 93 и далее), в Польше — экономический крах на рубеже 70-х — 80-х годов, не преодоленный и по сей день (WIIW, RS 72/1984, 253 и далее).²

Последствия этих событий хорошо известны. В Чехословакии началась дискуссия об экономической реформе, которая вышла далеко за рамки чисто экономической темы. На основе этой дискуссии были предложены и предприняты первые шаги в направлении реформ (мы не намерены останавливаться на этой теме подробно — см. Vrus, 1981, 7 и далее).

И в Чехословакии и в Польше движение за экономические и вытекающие из них политические реформы было подавлено насильственно, хотя методы применения силы были различны. Мы не будем вдаваться в рассмотрение различий движущих социальных сил, предлагавшихся вариантов институциональных реформ и методов власти имущих в странах советской сферы влияния для обуздания кризиса. В этой работе мы будем исходить из тезиса, что присущие системе экономические трудности поставили под удар базисную структуру построенного на советский лад порядка правления. Для предупреждения угрозы, нависшей над системой в рассматриваемый период, правители восточноевропейских стран — в Чехословакии Новотный, в Польше Гомулка, Герек, Каня и Ярузельский — вначале были готовы дать реформистским идеям зеленую улицу при условии, что их положение у кормила власти останется незатронутым. Они понимали, что реформы — это единственная возможность вернуть системе экономическую жизнеспособность. Логика движения к реформам привела к смене в партийных верхах, но эта тема — за пределами данной работы.

Для нас важно иное: что экономический кризис углублялся по мере созревания экономики „реального социализма”. Это, в свою очередь, усиливало движение за реформы в экономической и в политической сферах. Выступления 1953, 1956, 1968, 1970, 1976, 1980 гг. свидетельствуют о постепенном распространении экономического кризиса и обострении конфликта в странах „реального социализма”, что нарушало, в конечном счете, их политическую стабильность.

2. Первичность политики по отношению к экономике

Экономические трудности не во всех случаях были основной, преимущественной или единственной причиной потрясений

политической системы „реального социализма”. Однако даже в восстаниях по идеологическим, национальным или социально-политическим мотивам главную роль всегда играл феномен экономического кризиса. Так было в Венгрии в 1956 г. — приоритет тяжелой промышленности и принудительные меры против крестьянства чуть было не завершились полным развалом сельского хозяйства и снабжения, рабочие вышли на баррикады (Mlynar, 1983, особенно Heller 82 и далее, и Kende, 100 и далее. См. также Heller/Feher). Так было в Польше в 1968 г. — экономическая ситуация в очередной раз стала тревожной, когда интеллектуалы в университетах стали демонстрировать оппозицию духовному гнету; тогда обладающая влиянием в партийном руководстве группа Мочара использовала в качестве отдушины антисемитскую кампанию, завершившуюся массовой чисткой ученых и специалистов — евреев (Ledeger, 98 и далее).

Есть и другие примеры, что не только экономические факторы вызвали политическое брожение, но методы, которыми политическое руководство осуществляло свою власть, были чреватые экономическими последствиями. Тем не менее именно политические факторы обычно играли решающую роль в определении экономико-политического курса. В этом смысле можно говорить о воплощении в жизнь ленинского определения о „первичности политики по отношению к экономике” при социализме. Опыт, впрочем, показывает, что это правило ограничено определенными пределами общего состояния экономики, в первую очередь эффективностью экономической системы.

Политические факторы многократно обуславливали коренные перемены в экономической политике стран СЭВа. Так, именно политические моменты стимулировали первые попытки экономических реформ, они же продвигали и ускоряли их в одних случаях и мешали проведению реформ, препятствовали им и даже полностью ликвидировали их — в других. (Kosta, 1982, стр. 160 и далее). Этот тезис подтверждается многими историческими примерами. Так, политический разрыв между Сталиным и Тито в 1948—1949 гг. стал предпосылкой для формирования в Югославии новой социально-экономической системы; в ходе корейского конфликта и холодной войны Советский Союз заставил страны Восточной Европы пересмот-

реть их первые пятилетки с тем, чтобы усилить тяжелую промышленность и особенно производство вооружений за счет потребительских товаров; „оттепель”, начавшаяся после XX съезда КПСС, сделала возможной открытую дискуссию во всей советской империи о методах функционирования экономики; изменения в политическом руководстве компартии Чехословакии, т. е. переход власти от Новотного к Дубчеку, позволили чехословацкой экономической реформе пойти в направлении децентрализации и демократизации, ставших основными принципами Пражской весны; политические опасения руководства СЕПГ были одним из решающих мотивов отказа в 1970 г. от „новой системы планирования и управления”, введенной в ГДР в 1963 г. и названной после 1967 г. „экономической системой социализма” — пример Праги, показавший, что радикальные экономические реформы чреватые серьезными политическими последствиями и для систем советского типа, стал своего рода тормозом; наконец, о „первичности политики перед экономической” свидетельствуют события, ознаменовавшие конец чехословацкой экономической реформы — вторжение в эту страну армий Варшавского договора; об этом же свидетельствует фактическое прекращение попыток реформ в Польше после введения там 13 декабря 1980 г. военного положения.

II. Кризисные тенденции в экономиках восточноевропейских стран СЭВа³ — эмпирическая оценка

1. Экономическое развитие до 1980 г.

К началу 80-х годов кризис, начавшийся в странах-членах СЭВ в предшествующее десятилетие обострился.⁴ Влияние кризиса стало ощущаться во всех секторах экономики. Промышленное производство, если и росло, то весьма низкими темпами; череда плохих урожаев нанесла серьезный ущерб сельскому хозяйству; инфраструктура — транспорт, линии связи, жилищный фонд и т. д. — оставалась недоразвитой; капиталовложения не увеличивались или даже сокращались; реальные заработки упали, и снабжение товарами потребления не только отставало от уровня промышленных стран Запада, но и постоянно ухудша-

лось. В дополнение к этому большинство стран СЭВ имело значительные дефициты торгового и платежного баланса и растущую внешнюю задолженность. В определенный момент Польша и Румыния оказались неспособными платить по обязательствам и были вынуждены просить об отсрочке платежей. Венгрия и ГДР столкнулись с тяжелыми проблемами ликвидности. Правда, признаки некоторого улучшения наметились в 1983 г. и продолжались в 1984 г.; тем не менее многие кризисные явления все еще не преодолены.

Впрочем, это не первый случай, когда страны советской империи испытывают подобный приступ слабости — сходные кризисные явления имели место и в первой половине 60-х годов. Однако на данном витке кризис принял более серьезный характер и спад стал более угрожающим.

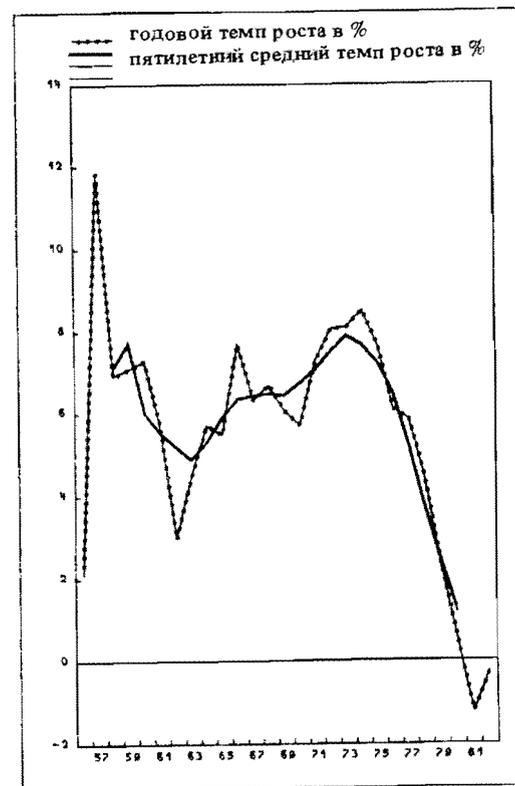
В таблице 1 представлены не только годовичные изменения, но и тенденции темпов роста национального продукта на базе скользящих пятилетних средних для сравнения кризисных явлений начала 60-х годов и в 80-е годы. (Здесь и далее приведены цифры, взятые из официальных справочников СЭВ. Методические особенности, возможные отклонения и искажения источника здесь не учитываются; приведение данных в соответствии с критериями, принятыми на Западе, выразится в занижении темпов роста; наши выводы, тем не менее, достаточно показательны.)

Таблица показывает, что тенденции экономического развития стран СЭВ, взятых вместе, — на общее понижение, хотя картина упадка выглядит, естественно, по-разному в разных странах СЭВ.

Прежде чем приступить к детальному анализу ситуации начала 80-х годов, отметим главные особенности экономического развития на протяжении двух предшествующих пятилеток.

График 1

Развитие произведенного национального дохода в СЭВ (1956 — 1982)



Источник: Fink/Levcik, стр. 62

Таблица 1

Экономическое развитие в странах СЭВ

Национальный продукт*	1961—1985									
	1961—1965	1966—1970	1971—1975	1976—1980	1979	1980	1981	1982	1983	1981—1985
Восточная Европа (6)	4,9	6,5	7,8	3,4	2,2	0,0	-2,1	-0,6	3,1	4,4
СССР	6,5	7,8	5,6	4,2	2,2	3,9	3,3	4,0	4(3)	3,4(3)
СЭВ (7)	6,0	7,4	6,2	3,9	2,2	2,7	1,6	2,6	3,7	3,7
Промышленность**										
Восточная Европа (6)	7,6	8,1	8,5	5,5	4,3	3,0	-0,6	1,0	4,5	5,0
СССР	8,6	8,5	7,4	4,4	3,4	3,5	3,4	3,2	4,0	4,7
СЭВ (7)	8,3	8,4	7,7	4,7	3,7	3,3	2,2	2,5	4,1	4,8

* Нетто материальная продукция

** Валовая продукция

Источник: WIIW, Data Bank

Из таблицы вырисовывается относительно благоприятная картина в 1971—1975 гг.: шесть восточноевропейских стран выполнили тогда плановые задания. Как следует из таблицы 1, среднегодовой темп экономического роста достиг 7,8% против 6,5% во второй половине 60-х годов, но в СССР темпы роста снизились с 7,8% в 1966—1970 гг. до 5,6% в 1971—1975 гг. Таким образом, суммарный успех объяснялся значительными темпами роста в Польше и в Румынии в этот период (Askanas/Levcik, 295 и далее).

В этот же период вместе с довольно устойчивыми темпами промышленного производства сельское хозяйство быстрее всего росло в Венгрии и в Чехословакии. Имелась возможность слегка сдвинуть запланированную структуру производства в промышленности, на транспорте, в строительстве и в сфере обслуживания — в пользу потребителей, пусть и в меньшей степени, чем намечалось. Хотя темпы роста национального продукта превышали темпы роста личного потребления, как это было и в прошлом, уровень жизни в начале 70-х годов несколько поднялся, в частности, благодаря введению дополнительных социальных программ. И все-таки показатели эффективности — производительность труда и капитала — в большинстве рассматриваемых стран оставляли желать лучшего.

Внешнеполитические факторы в этот период также были благоприятными (WIIW, Fb⁵/92/1983, стр. 1 и сл.). В начале 70-х годов цены на большую часть экспортируемых из восточноевропейских стран товаров были достаточно высокими на расширяющихся рынках Запада, тогда как импортруемое преимущественно из СССР сырье оставалось дешевым.

Кредиты на импорт и образующиеся импортные излишки тоже помогали экономическому росту. Но после первого нефтяного шока 1973 г. начался спад, спрос индустриальных стран стал снижаться, и внешнеторговые позиции шести стран СЭВ все более ухудшались. Только Советский Союз извлек пользу из рыночной ситуации, сложившейся в результате неожиданного взлета цен на горючее и, в первую очередь, на нефть. Постоянный до тех пор большой пассив советского торгового баланса с Западом в 1974 г. резко снизился (приблизительно до 150 млн долларов). С другой стороны, дефицит торгового баланса малых

стран СЭВ с западными индустриальными странами существенно возрос (с 2,5 млрд долларов в 1973 г. до 5,2 млрд в 1974 г.). Впрочем, в 1971–1975 гг. экономическая ситуация в СССР была менее благополучной нежели в других странах СЭВ (Askanas/Levcik, стр. 295) — среднегодовые темпы экономического роста замедлились в этот период до 5,6% по сравнению с 7,7% в конце 60-х годов. Первоначальную цель — перенесение центра тяжести на производство товаров широкого потребления — пришлось предать забвению через 2 года. Два плохих урожая подряд вызвали существенные колебания годовых объемов сельскохозяйственной продукции СССР и отрицательно отразились на состоянии легкой и пищевой промышленности. Во всех странах СЭВ в 1975 г. выявились новые тенденции, оказавшие влияние на пятилетние планы 1976–1980 гг. (WIIW, RS 26/1976). В 1975 г. темпы экономического роста были еще относительно высокими почти во всех странах СЭВ, но затем стали заметно снижаться — прирост совокупного национального продукта шести стран, составивший 8,3% в 1974 г., в 1975 г. упал до 7,4%, а в Советском Союзе соответственно с 5,3% до 4,5%.

В этом сказались упоминавшиеся уже изменения внешне-торгового климата. Малые страны СЭВ реагировали на новую ситуацию сокращением импорта, а это вызвало ограничение роста и капиталовложений, и потребления, а следовательно — снижение жизненного уровня населения, поскольку определенную долю средств, предназначенных на потребительские блага, пришлось перебросить на экспорт. Кроме того, в 1975 г. пришлось сократить импорт товаров широкого потребления, поскольку начались затруднения с платежным балансом.

Эти обстоятельства тоже отразились на новом пятилетнем плане, как и внешнеторговые условия. Экстенсивный характер экономического роста некоторых стран СЭВ в первой половине 70-х годов привел к истощению их ресурсов. Все труднее становилось увеличивать занятость и повышать удельный вес капиталовложений.

Ограниченный прирост рабочей силы, рост капиталовложений на единицу продукции и истощение природных ресурсов обусловили ориентацию нового пятилетнего плана на технический прогресс как решающий фактор достижения более высокой

производительности труда и экономического роста. Лозунг 60-х годов о „необходимости перехода от экстенсивного роста к интенсивному” стал еще более насущным в 70-х годах.

Почти все страны СЭВ приступили к усовершенствованию системы управления для обеспечения более эффективного использования факторов производства (Kosta, 1984, 213 и сл.). Задания пятилетних планов стали выражать не только в количественных показателях, но и в показателях эффективности. Был улучшен подсчет издержек на предприятиях, разработаны новые меры поощрения повышения производительности труда и проведена „реорганизация”. Все эти меры, разнящиеся от страны к стране, осуществлялись без особого энтузиазма и в большинстве случаев не оправдали надежд — только Венгрия составляла исключение.

Замедление роста производительности указывало на тщетность усилий по повышению эффективности использования экономических ресурсов производства. Темп роста „общей экономической производительности” (т.е. сочетания производительности труда и капитала) существенно снизился в пределах всего рассматриваемого района, а в Польше и в СССР произошел не только относительный, но и абсолютный спад этого показателя.

Снижение эффективности привело к замедлению экономического роста, что не могло не сказаться на материальном положении населения, поскольку бремя повышенных издержек внешней торговли, сырьевой и энергетической голод усугубились во второй половине 70-х годов („второй нефтяной шок 1979 г.”).

Экономический рост стран СЭВ во второй половине 70-х годов существенно замедлился (Askanas/Levcik, 296 и сл.). В 1976 — 1980 гг. годовой рост совокупного национального продукта стран СЭВ составил в среднем 3,9% по сравнению с 6,2% в предшествующее пятилетие. Замедление роста в малых странах (без Советского Союза) — соответственно 3,4% против 7,8% — было еще более выразительным. Подобная ситуация была порождена главным образом сокращением импорта, энергетическим голодом и отставанием сельского хозяйства. Падение темпов роста национального продукта было особенно острым в Польше, что сильно отразилось на общей картине.

Ограничение импорта, несколько облегчившее дефицит торгового баланса с Западом, одновременно нанесло удар по зависящим от импорта странам, а ухудшение условий торговли, особенно с Советским Союзом, еще более обострило ситуацию в Восточной Европе. В этом контексте необходимо помнить о недостатках лишь поверхностно реформированной системы управления, что относится ко всем странам СЭВ, за исключением Венгрии. Что касается Советского Союза, то нельзя утверждать, что замедление экономического роста было вызвано внешнеэкономическими условиями; основной причиной этого явления была централизованная система планирования. Недостатками этой системы являются неэффективное использование энергии и сырья, невосприимчивость предприятий к новшествам, медлительность в их внедрении, слабая трудовая дисциплина и плохая организация труда. Отрицательный эффект этих свойств централизованной системы в какой-то мере был смягчен, но не компенсирован полностью благоприятным развитием советских внешнеэкономических отношений вследствие роста цен на сырье и горючее.

Промышленная продукция всех стран СЭВ во второй половине 70-х годов тоже росла медленней, чем в предшествующие 5 лет. (Askanas/Levcik, 300 и сл.). Среднегодовые темпы роста промышленности в шести странах упали с 8,6% до 5,5%, в Советском Союзе -- с 7,4% до 4,4%. Растущая нехватка рабочей силы сделала невозможным повышение производительности труда теми же темпами, что и в первой половине 70-х годов.

Усугубляющиеся энергетические и сырьевые проблемы пытались разрешить повышением цен на основные материалы или ужесточением норм потребления. Однако эффект мер экономии мог проявиться лишь через два-три года. В 1974—1978 гг. потребление энергии в странах Восточной Европы все еще возрастало в среднем на 4,1% в год, а в последующие годы рост замедлился до 1,9%, но до сих пор потребление энергии в странах СЭВ было и осталось существенно выше, чем в промышленных странах Западной Европы.

К возросшим капитальным издержкам на освоение местных энергетических ресурсов, на хозяйство восточноевропейских стран было взвалено дополнительное тяжелое бремя —

участие в советских энергетических проектах, абсорбция возросших цен на советские нефть и газ и увеличение закупок сырой нефти на мировом рынке.

Т а б л и ц а 2

Валовая продукция сельского хозяйства, 1971—1983

	1971-75	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983
Болгария	2,9	4,1	-4,6	4,3	6,0	-4,6	5,9	5,2	-7,0
Чехословакия	2,2	-2,6	9,1	2,6	3,3	4,8	-2,5	4,4	4,0
ГДР	2,6	-4,6	7,3	2,0	2,5	0,0	1,5	-4,3	1,3
Польша	3,7	-1,1	1,4	4,1	-1,5	-10,7	3,8	-2,8	3,6
Румыния	6,5	16,8	-0,6	2,6	-5,5	-3,9	-0,9	7,5	-2,0
Венгрия	4,6	-2,7	10,3	2,0	-1,1	4,3	2,0	7,3	-2,7
СССР	0,8	6,5	4,0	2,7	-3,1	-1,9	-1,0	5,5	5,0

Источник: WIW, Data Bank

Медленней, чем в первой половине 70-х годов развивалось и сельскохозяйственное производство восточноевропейских стран (см. Таблицу 2). Особенно пострадало растениеводство, что явилось результатом череды неурожаев, поразивших некоторые страны Восточной Европы (Askanas/Levcik, 303).

Доля продукции животноводства существенно возросла после 1975 г. в ущерб земледелию. Рост поголовья и производства мяса был устойчивым, а урожаи зерновых то повышались, то падали в зависимости от погодных условий, что увеличило объем импорта кормов. Это стало дополнительным ударом по и без того напряженному платежному балансу, особенно в связи со значительным ростом цен на корма на мировом рынке.

Необходимость устранения диспропорций во внешней торговле сказалась на показателях потребления и капиталовложений (Askanas/Levcik, 303 и далее). Планы на 1976—1980 гг. в большинстве стран СЭВ уже предусматривали замедленный

рост капиталовложений. Однако фактические темпы развития оказались даже ниже запланированных. Надежда, что замедленные темпы инвестиций будут компенсированы ростом производительности капитала, не оправдались. Хорошо известные пороки системы сохранились: распыление инвестиций на чрезмерное число объектов, слишком длинные сроки строительства, затяжки с вводом в действие новых заводов, наконец — организационные недостатки в строительной промышленности.

Не были достигнуты запланированные показатели и в сфере личного потребления. Темпы роста розничного товарооборота понизились в результате снижения темпов промышленного роста, особенно в секторе потребительских товаров, а также из-за неудовлетворительного состояния сельскохозяйственного производства и ограничения импорта предметов потребления. Спрос, особенно на потребительские товары длительного пользования, не мог быть удовлетворен полностью. В некоторых странах были перебои даже в снабжении основными продовольственными продуктами.

Пока предложение остается недостаточным, удовлетворить спрос на основе свободного выбора потребительских благ можно только путем повышения цен. Но большинство стран СЭВ или отказались привести цены в соответствие с изменившимися условиями производства и спроса или начали действовать с опозданием и, подчас, опрометчиво (о рациировании снабжения в этот момент не было и речи). Переоценка возможностей роста, податливость на требования повышения заработной платы и, особенно, страх, что население ответит на повышение цен беспорядками, привели в ряде стран, особенно в Польше, к колоссальному избытку денег у населения, что, в свою очередь, повысило спрос и усугубило товарный дефицит. Кое-где удалось поддержать баланс основанного на покупательной способности спроса и предложения благ, но только путем повышения цен (зачастую не отраженного в официальном индексе цен).

В то время как рост цен ускорился в большинстве стран СЭВ, рост реальных заработков замедлился (динамика реальной заработной платы в Чехословакии и Венгрии показывает абсолютное их снижение к концу 70-х годов). Кроме того следует иметь в виду, что статистическая картина темпов роста реальной

зарплаты не дает полного представления о ситуации, поскольку не учитывается возрастающая нехватка потребительских товаров, их сомнительное качество и недостаточный выбор. Все это подтверждает тезис о снижении уровня жизни в целом к концу 70-х годов. Очевидно, что неблагоприятные тенденции во внутреннем развитии экономики шести стран-членов СЭВ и Советского Союза во второй половине 70-х годов во многом совпадают. Однако при сравнении СССР и остальных стран СЭВ в сфере международных экономических отношений бросаются в глаза различия (Askanas/Levcik, 305 и далее, WIIW, RS, 26/1971), особенно во внешней торговле. Вследствие существенно лучших позиций СССР в торговле с Западом и в обмене со странами советской сферы влияния, возросли избытки торгового баланса СССР со странами СЭВ. Советский Союз смог увеличить свой импорт и постепенно сократить дефицит торгового баланса с Западом, в то время как малые страны СЭВ несли тяжелейшие убытки в торговле с СССР и увеличивался дефицит их торгового баланса с Западом (подробнее см. Fink, 1984). Вследствие начавшегося на Западе в конце 1974 г. спада шестерка стран СЭВ оказалась перед все углубляющимся разрывом между импортом с Запада и экспортом на Запад. Возрастающий дефицит их торговых балансов финансировался относительно дешевыми кредитами, в основном гарантированными государством. Страны СЭВ строили свою стратегию на предпосылке, что выплаты по этим кредитам будут облегчены повышением их экспортного потенциала и соответственным увеличением вывоза в расчете, что экономический кризис на Западе будет кратковременным, и надеясь также, что инфляция со временем резко снизит задолженность.

Другим просчетом плановиков стран СЭВ была переоценка эффективности монополии внешней торговли. Предполагалось, что их экономика защищена от изменения цен на мировом рынке. Монополия внешней торговли подтвердила свою „эффективность“ в краткосрочном плане — торговые потери восточноевропейских стран удалось сбалансировать с помощью кредитов. Но по мере увеличения разрыва между ценами во внешней и во внутренней торговле страны СЭВ все больше влезали во внешние долги, чтобы стабилизировать цены на внутреннем

рынке, но при этом постоянно росла доля бюджетных ресурсов, используемых для субсидий. Адаптация и в дальнейшем происходила в весьма неблагоприятных условиях — под нажимом и при чрезмерной задолженности. В 1976—1977 гг. экономисты восточноевропейских стран наконец-то осознали грозящую опасность. Стало ясно, что экономический подъем на Западе не произойдет в ближайшее время: на фоне долгосрочной тенденции спада дальнейшее увеличение задолженности Западу не представлялось более экономически оправданным. Некоторые страны СЭВ ограничили импорт и повысили цены на потребительские товары, однако экономическая стратегия не менялась существенно, пока в 1979 г. не произошел второй нефтяной кризис. Советский Союз заявил тогда, что заморозит поставки энергии шести странам СЭВ на уровне 1980 г. в течение ближайшего пятилетия, а позднее советское руководство пошло еще дальше по этому пути.

В результате малым странам советской империи пришлось нести дополнительную нагрузку. Как уже отмечалось, они сократили рост производства и использовали часть национального дохода для увеличения потребления и капитальных вложений, чтобы снизить потребность в импорте и, в первую очередь, в импорте топлива, для облегчения торгового баланса и концентрации капиталовложений на завершении начатых строительных объектов.

График 2
Торговля Восточной Европы с Западом*
1965—1982 в млрд. амер. долларов

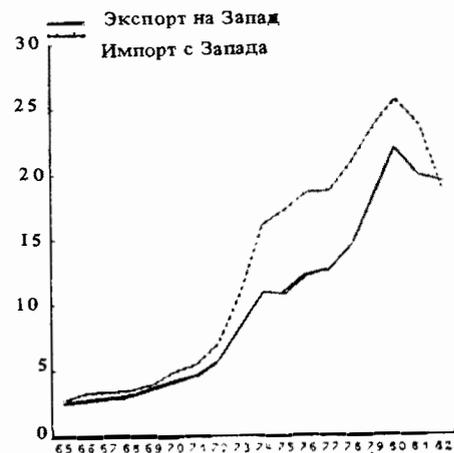


График 2 показывает тенденции импорта и экспорта, их растущий разрыв и демонстрирует изменение дефицита торгового баланса стран Восточной Европы с Западом (дополнительные данные см. в WIIW, RS 72/1984, 242 и 76 92/1983, 10 и далее). Пассив баланса подскочил после 1973 г., достигнув почти 6,5 млрд долларов в 1975 г., и оставался на этом уровне до 1978 г.⁶ Дефицит шести стран СЭВ снизился до 5,4 млрд долларов в 1979 г., до 3,7 млрд в 1980 г. и 2,7 млрд в 1981 г. Однако сокращение дефицита торгового баланса не обуздало рост задолженности, так как проценты, которые приходилось финансировать с помощью кредитов, играли все более существенную роль в динамике задолженности.

Нижеследующая таблица показывает только изменение торговых балансов с западными индустриальными странами. Увеличение импорта и экспорта представлено в текущих ценах и, следовательно, преувеличено ввиду инфляционного роста внешнеторговых цен и девальвации доллара в 1972—1979 гг., что создает иллюзию высоких темпов роста торговли между Востоком и Западом.

Таблица 3 показывает, что объем ввоза малых стран СЭВ с Запада (т. е. в сравнимых ценах) почти не менялся с середины 70-х годов и даже существенно сократился с 1980 до 1982 г., когда он снизился на 30% по сравнению с 1975 г. Рост вывоза на Запад также сильно замедлился во второй половине 70-х годов, а с 1980 г. даже стал сокращаться.

Т а б л и ц а 3

Торговля Восточной Европы с Западом

Объем

Годовые (средние) нормы роста в %

	Экспорт	Импорт
1966-70	10,2	11,2
1971-75	3,4	11,8
1976	16,0	5,1
1977	3,9	-5,1
1978	3,0	2,8
1979	4,7	0,0
1980	-2,2	-3,8
1981	-8,5	-3,9
1982	-1,0	-24,3

Источник: J. Stankovsky, "Ost-West-Handel 1982 und Aussichten für 1982", WIIW, March 1983.

Сокращение импорта и некоторое увеличение экспорта были недостаточны для устранения дефицита в торговом балансе с Западом. Условия на мировом рынке оказались намного хуже, чем предполагали восточноевропейские экономисты. Кризис на Западе усугубился, что существенно сужало возможность экспорта восточноевропейских государств. Растущие процентные ставки на мировом денежном рынке еще более обременяли платежный баланс. Дополнительная нагрузка на малые страны СЭВ создавалась из-за ухудшения условий их торговли с Советским Союзом, а внутреннее экономическое и политическое положение породило новую проблему. До тех пор руководство ряда стран Восточной Европы избегало резкого сокращения потребления путем ограничения импорта, повышения цен и жесткого контроля зарплат. В результате задолженность странам Запада продолжала расти, несмотря на некоторое сокращение дефицита внешней торговли.

В 1980 г. чистая задолженность Западу шести стран СЭВ вместе взятых достигла почти 70 млрд долларов. Одна лишь Польша была должна около 24 млрд долларов. Только Советский Союз к концу 70-х годов сократил свои долги и несколько снизил дефицит торгового баланса с развитыми странами Запада. В значительной мере этому способствовала продажа золота, поставки оружия странам третьего мира и экспорт некоторых видов услуг (например, судоходства). К концу 1980 г. задолженность СССР западным государствам составляла около 9,5 млрд долларов.

Зависимость стран Восточной Европы от поставок топлива, энергии и сырья из СССР сделала их положение еще более критическим. Основная масса потребляемого ими топлива, энергии и сырья ввозится из СССР. Из-за невыгодных условий торговли задолженность восточноевропейских государств Советскому Союзу возросла с 1975 г. почти до 11 млрд расчетных (переводных) рублей (приблизительно 15,6 млрд долларов). Советский Союз оказывает на восточноевропейские государства огромное давление, требуя увеличения поставок продовольствия, машин и товаров широкого потребления для уравнивания баланса взаимной торговли. В настоящее время страны Восточной Европы должны поставлять почти на 50% больше промышленных изде-

лий в обмен на каждую тонну ввозимой нефти и других видов топлива и сырья, чем в 1975 г., что сокращает соответственно внутренние инвестиции и потребление. Этим объясняется падение показателей в обеих упомянутых сферах на протяжении последних нескольких лет (Levcik, 1984).

Перечисленные здесь тенденции развития конца 70-х годов, а именно — замедление роста производства и в силу этого ухудшение условий жизни населения; выявившаяся неспособность системы мобилизовать источники „интенсивного” роста; трудности малых стран СЭВ в результате ухудшившихся внешнеэкономических условий, — все это указывало, что сгущаются тучи надвигающегося экономического кризиса.

2. Ранние 80-е годы: начало кризиса

В планах на 1981—1985 гг. опубликовано намного меньше данных, чем в прежних среднесрочных экономических планах (Askanas/Levcik, 308 и сл., Askanas/Levcik, 36 и сл.). Нет информации об экономической структуре, об использовании и распределении национального продукта, о внешней торговле. Отсутствие этих показателей объяснимо или как сокрытие от общественности безотрадной картины происходящего или же как неспособность дать оценку будущего развития, в первую очередь экономических отношений с Западом и польского кризиса с его далекоидущими политическими и экономическими последствиями.

В большинстве стран СЭВ планировали в пятилетке 1981—1985 гг. прекратить экономический спад и обеспечить хотя бы скромные, по сравнению с прошлыми, темпы роста. Только в ГДР предусматривался дальнейший рост, сопоставимый по темпам с предшествующими годами. В Польше, зажатой с середины 1980 г. в тисках кризиса, пятилетний план вообще не был выработан.

Несмотря на скромность задач, планы большинства стран СЭВ в их первоначальном виде оказались невыполнимыми в нынешней ситуации. Основной акцент был сделан на повышение производительности путем ускорения технического прогресса, на экономию энергии, на усовершенствование организации

труда, концентрацию капиталовложений, на вложения в рационализацию и модернизацию вместо обычного экстенсивного роста капиталовложений, а именно — вложений в новое строительство. Все это, однако, оказалось трудно осуществимым в рамках централизованно-бюрократической системы планирования. Более всего подорванными оказались условия жизни населения, и это становится фактором возможного взрыва недовольства. Правда, Чехословакия и Венгрия стремились к „поддержанию достигнутого уровня жизни, с некоторыми качественными улучшениями”. По скудной информации, поступающей из шести стран СЭВ, можно судить, что планируется только весьма скромное повышение зарплаты. При уменьшении импорта в 1981—1985 гг. невозможно наладить сносное в количественном и качественном отношении снабжение населения потребительскими товарами — намеченное сокращение импорта заденет главным образом сферу товаров широкого потребления. Производимое время от времени резкое повышение государственных цен рассчитано на радикальное сокращение избыточного спроса (Польша, Чехословакия и Румыния).

Социально-экономические системы советского типа с их централизованным планированием никогда не были в состоянии выполнить пятилетний план в его изначальной версии, как, впрочем, и годовые планы. Разные показатели плана должны были многократно корректироваться и обычно в сторону их снижения.

Данные за последние годы показывают, что экономический упадок стран СЭВ, начавшийся на рубеже 80-х годов, не был краткосрочным, что эти страны вступили в длительную фазу замедленного экономического роста.⁷ Провал планов роста, особенно болезненный для малых стран СЭВ, обусловлен характерной для системы низкой эффективностью экономики и ухудшением условий торговли и внутри СЭВ, и с Западом.

Последствия второго нефтяного шока 1979—1980 гг. постепенно изменили систему торговых цен между странами СЭВ, ухудшили условия торговли между ними, взвалив тяжелое бремя на платежные балансы восточноевропейских государств, получающих почти все свое топливо из Советского Союза. Цены на советскую сырую нефть продолжают расти,

поскольку в торговле между странами—членами СЭВ используется скользкая формула корректирования цен. В результате малые страны СЭВ вынуждены все увеличивать экспорт как в Советский Союз, так и на Запад, если не для устранения, то хотя бы для замораживания своих хронических дефицитов.

Торговля малых стран СЭВ с Западом принесла им большой урон из-за радикальных перемен на международном денежном рынке. Отношения между Востоком и Западом резко ухудшились в 1982 г., после введения военного положения в Польше и санкций Соединенных Штатов против Польши и Советского Союза. Условия кредитов ухудшились, и возможности импорта с Запада за счет западных же кредитов резко сократились. Одновременно повышались нормы процентных ставок. Польша и Румыния вынуждены были просить отсрочки платежей. ГДР испытывала трудности с выплатой долгов, а относительно Венгрии даже возник вопрос о платежеспособности. Прекращение притока кредитов с Запада и застой на восточных рынках, вызванный непрекращающимся спадом, заставили страны СЭВ резко сократить их импорт с Запада. Из-за неблагоприятных внешнеэкономических условий страны Восточной Европы вынуждены были смириться со снижением темпов экономического роста в 1981 г. и еще большим их падением в 1982 г. Инвестиции в большинстве стран СЭВ сократились, уровень личного потребления упал. Дефицит ресурсов уже сам по себе диктует крайнюю экономию, а к тому же резко возросли цены на нефть, нефтяные и другие энергетические продукты. В ряде стран возросли цены на продовольствие, в особенности на мясо. Эта мера была введена для принудительного сокращения потребления и уменьшения дорогостоящего импорта кормов.

Экономические показатели 1981–1982 гг. в большинстве стран—членов СЭВ были ниже запланированных. Составители последнего пятилетнего плана, очевидно, недооценили тяжесть внешнеполитической ситуации. Особенно заметно это сказалось в области промышленного производства, наиболее пострадавшего от нехватки сырья и его дороговизны, равно как и от сокращения капиталовложений.

Более того, средние показатели 1981 и 1982 гг. значительно отличаются от плановых. Похоже, составители планов были

вынуждены отказаться и от начального варианта среднесрочных целей, поскольку задания на 1983 г. были сокращены по сравнению с первоначальной версией пятилетнего плана. Судя по неполным и не всегда согласующимся данным, Болгария — единственная страна, до сих пор способная придерживаться контрольных цифр своей пятилетки — безусловно, благодаря довольно успешному развитию сельского хозяйства.

Судя по показателю валового национального продукта, экономика всего региона СЭВ выросла в 1981 и 1982 гг. соответственно на 1,6% и 2,6%. Большинству стран Восточной Европы пришлось смириться с падением темпов роста или сокращением производства; общий продукт уменьшался в течение этих двух лет. Основная причина этого — продолжающийся развал экономики Польши. Но в Чехословакии, где в 1981 г. экономический рост замедлился на 0,4%, в 1982 г. произошло сокращение национального продукта. Прирост национального продукта в Болгарии и ГДР превысил в 1982 г. средний показатель для Восточной Европы — 4% и 2,5% соответственно. При все том, по сравнению с предыдущим годом, темпы роста в обоих государствах резко упали. Общеэкономический рост в СССР был несколько выше, чем в предыдущем году (см. Таблицу 1).

Рост промышленного производства в рамках СЭВ также замедлился в 1981–1982 гг. Валовой продукт Польши сократился на 1,2% в 1981 г., и еще на 5,5% в 1982 г. В Чехословакии, где спад стал непрерывным с 1979 г., в 1982 г. прирост промышленного производства был минимальным за эти годы и составил всего 1%. Даже в ГДР, единственной стране СЭВ, сохранявшей стабильные темпы промышленного роста (почти 5% в год), в 1982 г. они сократились до 3%. Советский Союз тоже сильно отставал от своих плановых заданий: его показатели роста промышленного производства в 1981 и 1982 гг. были соответственно: 3,4% и 3,2%. Амбициозный годовой план на 1982 г. был попыткой выполнить задания пятилетки по темпам роста, но эта попытка полностью провалилась. Совокупная валовая стоимость промышленного производства стран-членов СЭВ выросла в 1982 г. более чем на 2%, как и в предыдущем году. Развитие сельскохозяйственного производства варьировало от страны к стране. Погодные условия на юге Восточной Европы

были благоприятнее, чем в остальных странах, зависящих в основном от импорта зерновых.

Снижение темпов роста экономики особенно проявилось в области использования экономических ресурсов. В соответствии с доступными нам неполными данными, использованный национальный продукт (потребление и капиталовложения вместе взятые) в 1982 г. оставался ниже уровня предыдущего года в большинстве стран Восточной Европы. Такова была цена улучшения их внешнеторговых балансов. В Польше использованный национальный продукт сократился в 1982 г. в реальном выражении на 10,5%, после подобного же сокращения в 1981 г. В Чехословакии и Венгрии в 1982 г. использованный национальный продукт упал на 1,5%, а в ГДР даже на 3,4%. В 1981 г. использованный национальный продукт Чехословакии сократился на 3,4%, в то время как в Венгрии и в ГДР он фактически оставался на уровне предыдущего года. Таким образом, сокращение капиталовложений, начавшееся в 1981 г., продолжалось. Пятилетние планы на 1981–1985 гг. предусматривали ограничение инвестиций; в большинстве стран-членов СЭВ планировалось, что капиталовложения в 1985 г. останутся на уровне 1980 г. Однако непредвиденно резкое сокращение импорта капитала продиктовало модификацию краткосрочных планов и сокращение широкомасштабных инвестиций, запланированных на среднесрочной основе.

Статистика оборота розничной торговли указывает на стагнацию или даже частичное сокращение личного потребления. В этой сфере отчетливо видно ухудшение показателей по сравнению с 1981 г. В Польше, где потребительские цены более чем удвоились в 1982 г., личное потребление, по официальным данным, в реальном выражении сократилось на 15% по сравнению с предыдущим годом. В Чехословакии и Венгрии, где цены на потребительские товары росли быстрее, чем номинальная зарплата, реальная зарплата, соответственно, упала. В Румынии, при приблизительно 20%-ной инфляции, личное потребление тоже существенно пострадало. В СССР розничный оборот и реальный доход на душу населения фактически не изменились. Цены на потребительские товары в СССР, прикинутые на основе официальных данных, впервые за всю послевоенную историю

выросли в 1982 г. более чем на 3%.

Европейские страны-члены СЭВ восстановили свою экономику к 1983 г.⁸ Их общий национальный продукт вырос в тот год на 3,7% по сравнению с 2,6% в 1982 г. Экономический рост был в целом быстрее запланированного, т. е. экономика функционировала лучше, чем предполагали органы планирования. Ускорение экономического роста было вызвано, главным образом, восстановлением хозяйства малых европейских стран СЭВ. В СССР, где до этого замедление экономического роста было выражено не так заметно, произведенный чистый материальный продукт вырос приблизительно на 4%, как и в 1982 г. В Восточной Европе национальный продукт вырос в 1983 г. на 3,1%, тогда как в 1982 г. он сократился на 0,6%. В ГДР и Польше темпы роста превышали даже средние темпы 1976–1980 гг. Впрочем, в Польше это было лишь первым шагом на пути к восстановлению — в абсолютных величинах ее национальный продукт в 1983 г. все еще оставался на 20% ниже уровня 1978 г. Только в Болгарии и в Венгрии в 1983 г. темпы роста оказались низкими, в основном из-за неурожая.

Несмотря на рост экономики, в 1983 г. население этих стран вряд ли заметило какое-либо существенное улучшение качества жизни. За исключением Польши и Румынии, уровень жизни, насколько возможно судить по отрывочным данным, был таким же, как в 1980–1981 гг.

Из-за ухудшившихся внутренних и внешних условий большинство стран СЭВ на протяжении последних нескольких лет резко ограничивали свои капитальные вложения. Ограничение инвестиций проводилось ради сокращения спроса на капитал внутри страны и предотвращения, путем снижения темпов роста, слишком резкого падения уровня потребления. Хотя планы большинства стран СЭВ предусматривали дополнительные ограничения, капиталовложения все же росли в 1983 г. намного быстрее, чем было запланировано. В этом сказались особенности системы: во времена экономического подъема предприятиям легче осуществить свои капитальные проекты. Хозяйственное восстановление 1983 г. выглядит результатом не столько возрождения инвестиционной активности, сколько концентрации фондов капиталовложений для завершения просроченных

объектов. Сдача новых мощностей обусловила, таким образом, дальнейший рост промышленного потенциала, несмотря на продолжающееся ограничение инвестиционной активности. Сокращение капиталовложений в последние годы в основном касалось нового строительства, что еще может отрицательно сказаться во второй половине 80-х годов, когда большая часть всего объема капиталовложений придется на незаконченное строительство.

В значительной степени экономическое восстановление 1983 г. объясняется улучшением внешнеэкономических отношений стран СЭВ. Баланс был восстановлен в 1982 г., и показатель внешнеторгового оборота всего региона был положительным. Этого нельзя сказать о каждой стране-члене СЭВ в отдельности, хотя во всех случаях необходимость достижения положительного сальдо внешнеторгового баланса для покрытия задолженности на Западе не давила столь сильно как за год до этого. Суммарный импорт Восточной Европы, сократившийся на 19,3% в 1982 г., в 1983 г. снизился всего лишь на 3,8%.

Страны СЭВ в 1983 г. достигли в торговле с Западом положительного сальдо внешнеторгового баланса в 3,9 млрд долларов, из которых 1,2 млрд долларов приходилось на СССР, а на Восточную Европу — соответственно 2,7 млрд. В торговле с развивающимися странами избыток составил около 7,3 млрд долларов.

Чистая задолженность стран Восточной Европы сократилась с 57,0 млрд долларов до 52,5 млрд, а задолженность Советского Союза — с 10,7 до 7,2 млрд долларов.

3. Заключительные замечания к эмпирической части исследования

Результаты экономического развития с начала 70-х годов и до конца 1983 г., описанные выше, можно кратко суммировать следующим образом:

— Усиленный экономический рост, характеризовавший первую половину 70-х годов, впоследствии сменился падением темпов роста. В шести малых восточноевропейских странах СЭВ наблюдалось даже абсолютное сокращение производства;

— В 1982 г. в шести странах СЭВ (без Советского Союза) продолжалась стагнация, но в 1983 г. все они, вместе с СССР, испытали некоторый подъем. Оживление, начавшееся в 1983 г., по-видимому, продолжалось в 1984 г. Это показывает, что в последние 13 лет в процессе роста экономики выявилась цикличность. Последняя фаза цикла, несмотря на оживление, все еще не достигает сравнительно благоприятных темпов роста начальной фазы цикла;

— Анализ показателей роста с учетом инвестиций, внешнеэкономических условий и, в первую очередь, потребления населения указал на отрицательные и более неприятные для материального благополучия населения явления, чем обнаруживаемые при сравнении показателей национального продукта.

Ниже мы пытаемся объяснить ход циклического развития.

III. Временный упадок или кризис, обусловленный системой?

1. Постановка проблемы и попытка ее решения

В предыдущей главе мы собрали достаточно данных, чтобы рассмотреть проблему в общем виде.

Прежде всего следует выяснить, проходят ли шесть стран советской империи фазу упадка в рамках свойственных системе циклических колебаний, как это наблюдалось и прежде, или же действует характерная для кризиса долгосрочная тенденция понижения?

Во-вторых, если цикл сопровождается или даже определяется обще-ретроградной тенденцией развития, то объясняется ли это независимыми от экономической системы какими-то „объективными” факторами — в дополнение к свойственным системе?

В какой степени упадок (или кризис) был вызван свойствами самой системы (в дополнение к объективным факторам)?

Наконец, способна ли существующая экономическая система решить структурные проблемы, которые выходят за ее рамки? И каковы шансы реформы системы?

Основываясь на разработанном в разделе 2 эмпирическом материале, мы дали, можно сказать, частичный ответ на первый вопрос. Как мы и предполагали, существуют безусловные признаки феномена краткосрочного цикла, ставшего, впрочем, более затяжным, чем в прошлом. Замедление роста в рассматриваемых странах начиналось, как правило, после более или менее ощутимого подъема. В 1983 г. была повсеместно зарегистрирована явно различимая, хотя и слабая в начале, тенденция подъема, очевидно, пришедшая на смену движению вниз. Цикличность развития подтверждается типичными колебаниями, особенно в сфере инвестиций, где лихорадочное расширение сменяется сдерживанием, переходящим, в конечном счете, в оживление. Подтверждают это и колебания в потреблении и во внешней торговле.

Оживление 1983 г., последовавшее за относительно длительным снижением, есть не более чем робкая и изначально скромная тенденция подъема. Имеются признаки, что робкое движение вверх застынет до того, как экономика сможет вернуться к тенденции долгосрочного роста. Некоторые страны (Польша, Румыния, а затем и ГДР, и Венгрия) пытаются справиться с проблемами платежного баланса, с застоем и даже со снижением уровня жизни. Все эти явления последнего цикла носят иной характер, чем знакомые по прежним годам.

На цикл роста прежде всего влияет структурный кризис, который в долгосрочной перспективе приводит к замедлению экономического развития. Только анализ отдельных детерминант объяснит, чем отличается долгосрочная тенденция замедления от колебаний, которые экономисты Восточной Европы наблюдают уже с 60-х годов.

2. Развитие и механизм цикла; оценка прежних попыток их толкования

Ряд видных экономистов проанализировали и описали механизм роста в социалистических плановых хозяйствах. Польский экономист Калецкий одним из первых показал, что экономики, основанные на принципе централизованного планирования, наталкиваются на определенные препятствия при уско-

ренных темпах роста по сверхамбициозным планам (Kaleski, 1969). Под препятствиями подразумевается отставание роста производства основных материалов от потребностей обрабатывающих отраслей, особенно в малых, но развитых в промышленном отношении странах. Обычно в добывающей промышленности и промышленности основных материалов планы производства и капиталовложений не выполняют из-за завышенных плановых заданий, а это, в свою очередь, создает узкие места в материальном снабжении обрабатывающих отраслей. Всякий раз, когда ускоренный рост достигает эластичности импорта выше единицы (т.е. когда импорт растет быстрее национального продукта), объем импорта поднимается выше объема экспортных возможностей и возникает дефицит торгового баланса, что препятствует развитию внешней торговли. Это случается, главным образом, со странами бедными сырьем.

Диспропорции и узкие места, порождаемые темпами роста выше оптимальных, могут быть преодолены путем замедления экономического развития. „Передышка” такого рода продолжается до введения в строй новых мощностей, прежде всего, в производстве основных материалов. Замедление роста производства и капитальных вложений, с одной стороны, и вступление в строй новых мощностей, — с другой, восстанавливает равновесие спроса и предложения, и „субъективистское” определение плановых заданий, превышающих оптимальный уровень, получает новый шанс.

Поскольку чрезмерное напряжение ресурсов порождается субъективными факторами — например, излишним оптимизмом в планировании, а последующее замедление роста может быть отнесено на счет объективных причин — например, необходимости освоения существующих мощностей, чешские экономисты Гольдман и Коуба вслед за Калецким охарактеризовали колебания роста как „квази-циклы” (Goldmann, Kouba, 1969). Авторы указали, что волюнтаристские тенденции могут превалировать в разработке планов только при определенных условиях. Они подробно рассмотрели инвестиционный цикл и цикл накопления запасов и пришли к выводам, что ускорение экономического роста за предел оптимума идет рука об руку с амбициозными планами капитальных вложений и с феноменом перенакопле-

ния. Завершение в намеченные сроки множества одновременно начатых капитальных проектов невозможно. Объем незавершенного промышленного строительства, которое связывает значительные материальные и людские ресурсы, ничего не добавляя к объему экономического роста, постоянно увеличивается, в то время как доля потребления постоянно уменьшается, несмотря на растущие доходы. Общее сокращение инвестиционной активности становится неизбежным. После некоторого запаздывания, определяемого средней продолжительностью строительства и ввода в строй больших инвестиционных объектов, предшествующая гонка инвестиций производит противоположный эффект. При общем замедлении роста производства и низком уровне инвестиционной активности начатые в период ускорения капитальные объекты, особенно в добывающих отраслях и в производстве основных материалов, будут, наконец, введены в строй. Дефицит сырья постепенно снижается. Снижение спроса на импортное сырье и основные материалы в условиях медленного роста способствует восстановлению равновесия торгового баланса. И, таким образом, снова возникают предпосылки для ускорения экономического роста и гонки капитальных вложений.

Как указывают Гольдман и Коуба, эти колебания роста усиливаются циклическостью накопления запасов (Goldmann, Kouba, 1969, 47 и сл.). Реагируя на трудности снабжения, предприятия увеличивают свои запасы материалов, что еще более усугубляет проблемы снабжения. Как только в результате замедления роста ситуация выравнивается, запасы начинают сокращаться. В обоих случаях предприятия реагируют с некоторым опозданием.

В дополнение к этим барьерам, указанным чешскими учеными, — материалы и внешняя торговля, можно вслед за Корнаи упомянуть относительно низкий потенциал роста в сельском хозяйстве (Kornai, 212). Отставание продовольственного снабжения из-за отставания сельскохозяйственного производства вызывает недовольство населения. В результате приходится временно снижать долю накопления, ради повышения доли потребления.

Эмпирические данные (хорошо документированные Гольдманом и Коубой на примере Чехословакии, ГДР, Польши и Венгрии в 1950–1965 гг.), на которые мы ссылаемся в этой работе

для освещения недавнего прошлого, равно как и описание хода событий цитированными выше экономистами (см. также Байт), воспроизводят точную картину циклического развития. Гольдман и Коуба внесли огромный вклад в объяснение рассматриваемых тенденций. Как уже было сказано, Калешки прежде полагал, что плановики склонны задавать темпы, превосходящие „оптимальную скорость роста”. Он писал, что для правильного планового решения необходимо выбрать адекватную скорость роста национального дохода (Kaleski, 137). Нередко при анализе экономики Восточной Европы вспоминают так называемый политический цикл, т. е. принятие аппаратом планирования решений с учетом установок политических органов и соответствующие этому колебания темпов роста.

Невозможно отрицать, что в 20-е и 30-е годы сталинское руководство Советского Союза, как и партийные руководители стран Восточной Европы в послевоенные годы, поддались политической и идеологической иллюзии о возможности предельно быстрого роста, который к тому же сопровождался бы высокой долей накопления („Нет таких крепостей, которые бы не взяли большевики”). В число кардинальных ошибок входит также внедрение управляемых сверху коллективных предприятий в сельском хозяйстве, на которые возлагались надежды, что они обеспечат снабжение населения продовольствием и одновременно будут источником накопления средств для индустриализации страны. Некоторые волюнтаристские просчеты впоследствии были исправлены.

Однако политические элиты не всегда способны учиться на преподанных им уроках, что подтверждается стратегией Герека и Чаушеску в 70-е годы. При некоторых различиях в их стратегии общей чертой подобных политико-идеологических просчетов является переоценка потенциала и возможностей роста социалистического планового хозяйства при полном игнорировании существующих экономических условий. Настоятельная необходимость учитывать экономические факторы цикла при выработке стратегии развития стала очевидной. Вряд ли политически мотивированные циклы оправдают себя и в будущем.

Как уже отмечалось, Гольдман и Коуба, а немного позднее

и Байт (Bajt, 56 и сл.) продемонстрировали на большом материале цикличность экономики с централизованным планированием (Goldmann, Kouba, 1967, 34 и сл.), что прежде часто отрицали экономисты-догматики, например, Анчишкин, которого цитирует Байт (Bajt, 53). Гольдман и Коуба различают „субъективизм” при разработке плана и „объективную” необходимость замедления планируемого роста по прошествии некоторого времени (Goldmann, Kouba, 1967, 46). Эти ошибки в плановых заданиях дают им почву для критики централизованной системы управления. Они пишут: „Директивная бюрократическая система планового управления решает проблемы экономического роста на микроэкономическом уровне, следуя в основном шаблону: машиностроение, строительство, капиталовложения; металлургия, топливная промышленность, электроэнергетика; прочие обрабатывающие отрасли, народное потребление” (Goldmann, Kouba, 1967, 55). Авторы имеют в виду приоритеты при подготовке плана, когда потреблению отводится последнее место и соответственно выделяются лишь оставшиеся от всего остального средства. В другом месте авторы указывают: „Хроническая склонность к чрезмерным темпам роста и раздуванию доли накопления обусловлены односторонними критериями, выработанными в период создания такого рода системы в Советском Союзе в 30-е годы и с тех пор ставшими ее постоянными атрибутами. Плановое увеличение производства стало главным критерием экономического развития, стимулируемого мерами материального поощрения в соответствии со степенью выполнения плановых заданий” (Цит. работа, 57).

Если бы объяснение, которое дал Калецкий и в какой-то мере Гольдман и Коуба, было достаточным, то проблема квази-циклов была бы решена. Плановики (и политические деятели) должны были бы просто переориентироваться при определении „оптимального темпа роста” со сверхамбициозных темпов на умеренные. Однако кроме вопроса, в состоянии ли вообще центральный орган планирования установить „правильные” темпы роста на весь плановый период (скажем, на пять лет) неразрешенной оказывается и другая исключительно важная проблема, а именно: почему плановики (и политические деятели) включают в план чрезмерные задания по капитальным

вложениям и по производству, даже если уже приняты более скромные темпы роста? Ответ можно найти в свидетельствах экономистов, изучавших механизм централизованной директивной системы планирования. Особенно интересны с этой точки зрения работы Влодзимежа Бруса и Оты Шика, хотя центральным моментом их исследований и не являлся цикл роста.

Брус еще в 1961 г. указывал среди негативных последствий централизованной модели недостаточную способность производства приспособляться к нуждам потребления, чрезмерные по сравнению с отдачей издержки, недостаточную заинтересованность предприятий в технических новшествах, структурные искажения развития, недостатки системы стимулирования и бюрократизацию государственного и экономического аппарата (Brus, глава III). Слабую эффективность капитальных вложений Брус считает присущей „централизованной модели”. Этот его тезис оказал большое влияние на ход дискуссии о циклах роста в плановых экономиках советского типа.

Ота Шик сконцентрировал внимание на роли предприятий в „централизованной системе управления”. По Шик, плановики центральных органов не в состоянии точно оценить правильность полученной ими от предприятий информации, поскольку они не осведомлены о действительном положении вещей. В системе советского типа предприятие обладает монополией на информацию, и эта монополия тем сильнее, чем выше уровень развития данной экономики. Поскольку степень зрелости экономики возрастает, то становится все труднее уследить за усложняющимися экономическими процессами из одного центра планирования. Это особенно применимо к сделанному нами выше замечанию о сложности централизованного планирования капитальных вложений, внешнеэкономических процессов и сельскохозяйственного развития.

Шик полагает, что решающее значение в мотивировке поведения предприятий имеет несовпадение их интересов с интересами центра планирования. Производственные коллективы стремятся максимально увеличить заработки в условиях низкой производительности труда, дефицита рабочей силы и потребительских товаров. С другой стороны, центральные органы стремятся добиться от предприятий максимально возможного

выпуска изделий при минимально возможных издержках. Поведение предприятий постоянно давит на аппарат планирования; именно этим объясняется тенденция к вздутым плановым показателям по затратам (капитальные вложения, материалы, рабочая сила). Кроме того, имеет место так называемое отсутствие твердых бюджетных рамок — этот феномен великолепно описал венгерский экономист Корнай. Предприятия с помощью аппарата планирования способны практически неограниченно увеличивать свои затраты путем санкционированного повышения цен, налогов и других подобных мер или с помощью прямых субсидий (Kornai, 210 и далее). Развивая анализ своего земляка Бауэра, Корнай подробно описывает „инвестиционный голод“, который испытывают предприятия в централизованной системе планирования.

Таким образом, исследования Гольдмана, Коубы, Бруса, Шика, Корнай и других экономистов объясняют циклический характер развития примерно так же, как Финк и Левчик (Fink/Levcik, 52–56), а именно:

В период подготовки плана, когда высшие власти запрашивают информацию о возможностях увеличения производства и необходимых затратах, предприятия пытаются приуменьшить свой производственный потенциал, максимизируя при этом необходимые затраты — энергии, сырья, основных материалов, рабочей силы и капитальных вложений. Они рассчитывают, что передача искаженной информации обеспечит им „удобный“ план, который оставит им возможность маневрирования и выполнения плановых заданий при любых обстоятельствах без риска и без особых усилий. При суммировании такой информации от предприятий в центре планирования заявки на затраты по увеличению производства значительно превышают действительно необходимые (Baueg, 1978, стр. 246–260). При этом вовлеченные в составление планов министерства и объединения всячески отстаивают интересы своих предприятий. В такой обстановке составляются балансовые ведомости капиталовложений, сырья и рабочей силы. Как правило, заявки предприятий на капитальные вложения урезаются, а показатели производительности поднимают по сравнению с указанным предприятиями уровнем. Предприятиям известно о подобной практике пла-

новых инстанций и из предосторожности они составляют свои плановые заявки с завышенными из этого расчета резервами. Насколько будут урезаны заявки предприятий, зависит от соотношения спроса и предложения. Если в результате предшествовавшего замедления роста спрос приблизился к предложению, то побеждает тенденция планирования темпов роста, превосходящих оптимальные, что, как мы видим, имеет объективные причины. Задания основываются на определении разных показателей темпов роста — в зависимости от предшествующего периода. Как правило, темпы роста повышают, если план предыдущего года (или предшествующего периода) был перевыполнен; запланированные темпы роста снижают, если план не был выполнен. Этот подход можно проследить эмпирически (Куп, Schrettl, Vicentz, 1977). Мы полагаем, что это объясняется не изменениями в настроениях плановиков, переходом от оптимизма к пессимизму или наоборот, но их местом в реальном процессе установления или устранения одного из выше отмеченных барьеров. Мы не считаем, что центр всегда пытается достичь максимально возможного объема капиталовложений. Оправданный в рамках системы инвестиционный голод предприятий есть фактор, побуждающий центр санкционировать объем капиталовложений, максимально возможный в данное время.

Централизованная плановая система развязывает предприятиям руки для погони за как можно большими капиталовложениями, так как они не отвечают за финансирование этих капиталовложений и за издержки текущего производства. Когда центральные органы уже санкционировали капиталовложения и распределили ресурсы, предприятие продолжает получать требуемые им фонды благодаря отсутствию „жестких бюджетных рамок“ (Kornai, 1980, стр. 210).

Инвестиционный цикл приобретает особые черты в силу отмеченного Корнай (1980, стр. 228) явления, которое можно было бы охарактеризовать как „отсрочка — гибель“. Поскольку существует постоянный неоправданный спрос на капиталовложения, центр склонен откладывать заявки, руководствуясь сложившейся системой приоритетов, т. е. он откладывает заявки в первую очередь в сфере инфраструктуры, жилищного строительства и сельского хозяйства (Schrettl, 1984, стр. 238). Преи-

мушество такого образа действий для бюрократии в том, что экономия на издержках ощущается сразу, в то время как специальные издержки отсутствия инвестиций в сфере потребления чувствуются только через несколько лет. Необходимые вложения в инфраструктуру не делаются, пока ситуация не становится нетерпимой. Тогда подаются „сигналы о неминуемой гибели”. Методы плановиков при принятии решений об инвестициях определяют манеру просителей. Когда жажда инвестиций в пренебрегаемой отрасли не удовлетворяется в течение нескольких лет, потребность в этих инвестициях опять-таки выражают весьма экспрессивно, преувеличенно как „сигналы о неминуемой гибели”. Инвестиционная активность в отраслях теряет, таким образом, непрерывность и приобретает вид инвестиционных кампаний (например, сельскохозяйственная программа в СССР). В связи с этим нехватки в производстве основных материалов и в тяжелой промышленности существуют постоянно на протяжении всего инвестиционного цикла.

Отнюдь не случайно, что барьеры во внешней торговле вырастают преимущественно в экономических отношениях с западными странами (Levcik и Stankovsky, 1983). (В торговле малых стран СЭВ с Советским Союзом такой барьер был создан ростом торговых убытков только после второго нефтяного шока). Характеристика экономик развитых стран Запада как экономик, определяемых спросом, а стран советской сферы влияния с централизованным планированием как экономик, определяемых ресурсами, удобна для объяснения этого различия. Конкуренция между предприятиями в рыночных хозяйствах стран Запада диктует агрессивную торговую политику и способствует созданию чрезмерных по отношению к действительному спросу производственных мощностей. Колебания развития, экономические спады и подъемы в рыночных хозяйствах стран Запада разрешаются преимущественно сокращением или увеличением общего спроса. В плановых хозяйствах, на Востоке, наоборот, постоянное давление исходит от предприятий, добывающихся дополнительной рабочей силы, материалов и производственных мощностей, чему плановые инстанции не в состоянии эффективно противодействовать даже путем нормирования ресурсов. Такая политика предприятий объясняется их усилиями облег-

чить себе выполнение спущенного центром плана. В результате в плановых хозяйствах средние темпы роста и их колебания определяются не интенсивностью импульсов спроса, как на Западе, а ограничениями доступа к ресурсам.

Директивное планирование определяет поведение предприятий не только на стадии составления плана, но и во время его выполнения. Если предприятие будет проводить экономию издержек, вышестоящие инстанции воспримут это как свидетельство, что в плановой заявке имеется неоправданный „резерв”, который могут изъять даже в ходе выполнения плана и обязательно лишат этого резерва при составлении следующего плана. Более того, существенная экономия издержек, например, сырья или общих расходов на производство, может отрицательно отразиться на ряде плановых показателей, со всеми вытекающими последствиями. Поэтому санкционированные капиталовложения реализуют, даже если в этом нет необходимости и неизвестно, могут ли они быть задействованы в намеченные сроки.

Вследствие этого сырье расходуется очень неэкономно, рабочая сила удерживается и там, где в ней нет нужды. Технические усовершенствования не внедряются, чтобы не поставить под угрозу выполнение плановых показателей. Характерные свойства этой системы — отсутствие гибкости, производство без учета спроса, технический консерватизм и разбазаривание ресурсов — особенно очевидны на стадии выполнения плана. В долгосрочной перспективе это формирует экономику с гипертрофией тяжелой промышленности и промышленности основных материалов, в ущерб отраслям, производящим предметы потребления.

Итак, причины, вызывающие эмпирически подтвержденные и исторически повторяющиеся циклы роста в экономиках советского типа, таковы:

— В прошлом политическое руководство настаивало на завышенных и нереалистичных заданиях роста. Позже, уже наученные горьким опытом отказов от скромных темпов роста, центральные плановые органы действуют в том же направлении под давлением предприятий, выставляющих завышенные требования на инвестиции, материалы, рабочую силу.

— Именно централизованная система директивного планирования побуждает и даже принуждает предприятия ради преодоления постоянных „узких мест” и трудностей с материалами завышать плановые показатели расходов.

— Из-за перегрузки производственного потенциала и свойственной системе расточительства ресурсов (сырья, полуфабрикатов, капиталовложений и, что немаловажно, неэффективного использования рабочей силы) возникает ситуация, когда приходится срезать задания по капиталовложениям и производству и наступает развал снабжения средствами производства, стагнирование и даже спад темпов роста.

— Баланс, искусственно достигаемый спадом темпов роста, приводит к постепенному восстановлению и последующему ускорению темпов роста.

Однако, новый взлет отнюдь не обязательно достигает былых, относительно высоких темпов роста. В последние годы становится все более очевидным, что в последовательности доминирует долгосрочная тенденция к снижению темпов роста. Как можно объяснить этот феномен?

3. От временных колебаний к перманентному кризису системы

Мы исходим из того, что в будущем развитие стран СЭВ будет складываться под влиянием как свойственных системе факторов, так и внутренних структурных проблем, возникающих во всех странах мира.

Множественность взаимодействующих факторов, естественно, затрудняет ответ на вопрос, может ли реформа бюрократического центрально-директивного планирования изменить положение к лучшему и возможно ли при благоприятных внешних условиях восстановление нарушенного баланса без проведения радикальных реформ.

Проанализируем экономику стран СЭВ начала 80-х годов, прежде всего внешних и внутренних структурных экономических факторов, постулируя заданную реальность и свойственные системе помехи. Следует отделить при этом Советский Союз от

стран Восточной Европы. В Советском Союзе, которому внешне-политические условия благоприятствуют, на первое место выступают внутренние факторы; в восточноевропейских странах СЭВ большую роль играют внешнеполитические трудности, поскольку условия внешней торговли этих стран и СССР развивались в противоположных направлениях.

Значимость внутренних факторов для СССР определяется тем, что из-за больших размеров страны влияние внешней торговли на экономику здесь намного слабее, чем в малых странах СЭВ.

Некоторое значение имеет замедление роста населения во второй половине 50-х и первой половине 60-х годов, вызвавшее нехватку рабочей силы, что и поныне ощущается в малых странах СЭВ, особенно в Чехословакии, ГДР, Венгрии, Болгарии и даже в Польше. Эффект такого определяющего в экономическом развитии фактора как резерв рабочей силы здесь заметно понизился.

Наиболее опасной тенденцией в экономике было уменьшение потенциала роста энергетики. Решающая роль в снабжении остальных стран СЭВ топливом и энергией принадлежит Советскому Союзу. Наиболее удобные залежи топливных ископаемых в европейской части СССР истощились, а наличные ресурсы и технология не достаточны, чтобы использовать нетронутые богатства отдаленных районов Сибири. Для получения такого же количества топлива, какое добывалось в прошлом, сегодня требуется намного больше капитальных затрат и дополнительных транспортных мощностей. Новая ситуация создает также дополнительные требования к квалификации рабочих и адекватности системы управления, поскольку речь идет о разработке и использовании новых источников сырья, о замене традиционных видов топлива (уголь, нефть, газ) новыми источниками энергии (ядерная энергия, гидрогенизация угля и другие альтернативные источники энергии), равно как и о мерах экономии энергии.

Мы уже отмечали связь между экономией энергии и внешней торговлей. Имеются и другие причины для диспропорции во внешнеэкономическом секторе, которые отрицательно влияют на экономическое развитие шести восточноевропейских

государств в большей степени, чем на СССР, — это спад, инфляция и повышение реальных ставок процента на Западе. За этот период страны СЭВ сильно задолжали, а выплаты займов и платежи по процентам заметно осложняют экономическое развитие в 80-е годы. Чтобы сдержать рост кредитного бремени, большинство европейских стран СЭВ в течение последних двух-трех лет пытались снизить дефицит торгового баланса с Западом. Это, однако, возможно только при строжайших мерах по ограничению импорта, поскольку из-за продолжавшегося на Западе спада все усилия по увеличению экспорта имели весьма скромный успех. Одновременное осуществление обеих этих мер было возможно только за счет потерь в экономическом росте. Пришлось также смириться с убыточностью торговли и среди прочего экспортировать не приносящие прибыли товары.

В добавок к диспропорциям, порожденным ситуацией на Западе, хозяйства восточноевропейских стран понесли ущерб от ухудшения условий торговли с СССР (Fink, 1984). Правда, до 1983 г. они продолжали покупать советское сырье и топливо по ценам ниже цен мирового рынка. Однако цены готовых изделий, экспортируемых ими в СССР, поднимались незначительно, а уровень цен импорта из СССР ежегодно возрастал в соответствии со средними мировыми ценами в пять предшествующих лет. В итоге к концу 1984 г. советская нефть стала не дешевле, чем на мировом рынке.

Видимо, в ближайшее время к проблеме цен советских энергетических поставок добавится проблема их объема, поскольку уже в 1982 г. Советский Союз сократил приблизительно на 10% экспорт энергетического сырья в страны СЭВ (за исключением Польши) и не был намерен увеличивать его до 1985 г. При острой нехватке обратимой валюты увеличение импорта из стран ОПЕК ухудшит и без того напряженный платежный баланс стран СЭВ. Дальнейшего углубления внутри- и внешнеэкономического неравновесия при растущей убыточности торговли и все более осязаемом дефиците сырья и энергии можно избежать только замедлив или даже пойдя на спад экономического роста. Так как большая часть результатов возможного в таких условиях скромного роста уплывет за границу из-за убытков во внешней торговле, форсированного экспорта и ог-

раниченного импорта, особенно пострадает так называемый использованный (потребленный) национальный доход, т. е. совокупный объем имеющихся в стране товаров и услуг.

Для Советского Союза внешнеэкономические факторы были довольно благоприятны по крайней мере до начала 1983 г. Как крупный поставщик нефти и природного газа СССР в течение последних нескольких лет мог пользоваться выгодами от этой торговли, сдерживая дефицит внешнеторгового баланса и задолженность Западу. В 1980 и 1982 гг. Советский Союз имел даже положительное сальдо торгового баланса. Продажа золота, чистый доход от транспортных услуг и поставок оружия дают ему дополнительные финансовые возможности для маневра.

Трудно сказать, до какой степени расходы на вооружение играли роль структурного барьера в создании кризиса темпов роста.⁹ Данные Таблицы 4 показывают, что относительная нагрузка на советскую экономику, выраженная в расходах на душу населения и их долей в валовом общественном продукте, приблизительно в 2,5–3 раза выше, чем в ГДР или Чехословакии.

Т а б л и ц а 4

Военные расходы и численность вооруженных сил европейских стран СЭВ на 1975 г.

	долларов на душу населения	Доля военных расходов		
		в националь- ных расхо- дах	в валовом обществ. продукте	численность вооруженных сил в тыс.
СССР	490	?	8,4-15	3575,0
ГДР	7,9	5,5	143,0	
Чехословакия	116	7,3	3,8	200,0
Польша	59	7,0	3,1	293,0
Болгария	52	6,0	2,7	152,0
Румыния	33	3,7	1,7	171,0
Венгрия	48	3,5	2,4	105,0

Источник: Institute of Strategic Studies, Лондон, н. л.

По сведениям из других источников, верхний предел военных расходов в валовом продукте СССР — 15%, показанный в соответствующей колонке, по-видимому, ближе к действительности нежели приведенные 8,4 — 15%. Нагрузка на хозяйства Польши, Венгрии, Болгарии и особенно Румынии значительно меньше.

Если исходить из того, что военный бюджет соперничает с расходами на внутреннее экономическое накопление, а также с личным и общественным потреблением,¹⁰ включая расходы на образование и здравоохранение, то бремя вооружений оказывается особенно тяжелым в Советском Союзе. Специалисты, однако, утверждают, что предел допустимой нагрузки здесь еще не достигнут. Даже в ГДР и Чехословакии, где военные расходы на душу населения такие же, как в остальных странах Восточной Европы, нет оснований считать основной причиной кризиса роста и вытекающей из этого проблем снабжения расходы на вооружения.

Хотя экономическое развитие Советского Союза затормозилось такими неизбежными факторами как растущие трудности освоения отдаленных и неудобных для эксплуатации залежей полезных ископаемых, сокращения ресурсов рабочей силы и бремени вооружений, ситуация на внешнем рынке — радикальное повышение цен на нефть — чрезвычайно благоприятно повлияло на экономическое положение СССР. Замедление экономического роста в Советском Союзе более объясняется недостаточной эффективностью системы централизованного планирования, чем структурными детерминантами. Это еще одно убедительное свидетельство необходимости реформ.

В экономической системе шести малых стран СЭВ влияние внутренних и внешних структурных факторов проявилось сильнее, чем в СССР. Изменение тенденции экономического роста в сторону снижения, подчас даже сокращение предназначенного для внутреннего использования национального продукта были в значительной мере вызваны внешнеэкономическими факторами — исключительно неблагоприятными условиями торговли с Советским Союзом и необходимостью трансформировать торговый дефицит с несоциалистическими странами в положительное сальдо торгового баланса, чтобы платить процен-

ты по задолженности и выплачивать ее. Это, однако, ни в коем случае не означает, что старая модель централизованного управления не оказала негативного влияния на общее развитие. Венгерские экономисты правы, указывая, что негативные явления в мировой экономике подтверждают необходимость реформ по децентрализации и внедрению рыночных механизмов, особенно в малых, зависящих от внешней торговли странах СЭВ. Мы совершенно согласны с этим тезисом. Необходим механизм экономического контроля, способный принимать в расчет экономическую эффективность лучше, чем это возможно в рамках существующей системы планирования.¹¹ Это тем более существенно из-за постоянного роста цен, нехватки энергетического и прочего сырья, ограниченных возможностей роста инвестиций и, не в последнюю очередь, из-за тревожного состояния в области ресурсов рабочей силы.

Здесь приводятся некоторые данные по производительности труда и капитала, свидетельствующие о насущности этой проблемы. Сравнение между использованным капиталом и рабочей силой, с одной стороны, и отдачей — с другой, наглядно иллюстрирует экономическую эффективность ресурсов в рамках данной системы.

(См. таблицу 5 на следующей странице.)

Даже при беглом взгляде на таблицу видно, что в течение трех пятилетних периодов (1966—1980 гг.) рост производительности труда замедлился во всех рассматриваемых странах. Наихудшее положение было в Польше; ГДР и Чехословакия занимали промежуточное место, а в Болгарии и Румынии замедление было менее заметным, и самым меньшим оно было в Венгрии. Динамика производительности капитала в первый из рассматриваемых в таблице пятилетних периодов представлена отрицательными величинами в Болгарии, Румынии и, хоть и в мень-

Таблица 5

Развитие производительности в производственных секторах шести стран СЭВ

Средние годовые изменения в %, 1966 — 1982

	1966-70	1971-75	1976-80	1981
Б о л г а р и я				
производительность труда	8,3	7,7	6,1	3,7
производительность капитала	-2,0	-1,0	-3,6	-2,9
Общая экономическая производительность	3,1	3,3	1,2	0,4
В е н г р и я				
производительность труда	5,3	6,2	4,1	2,5
производительность капитала	1,1	-0,4	-3,2	-2,5
Общая экономическая производительность	3,2	2,9	0,4	0,0
Г Д Р				
производительность труда	5,2	5,3	3,6	3,1
производительность капитала	0,3	-0,3	-1,5	-1,6
Общая экономическая производительность	2,7	2,5	1,0	0,8
П о л ь ш а				
производительность труда	4,1	8,3	1,3	-7,2
производительность капитала	-0,1	1,7	-6,6	-11,1
Общая экономическая производительность	2,0	5,0	-2,6	-9,2
Р у м ы н и я				
производительность труда	7,7	11,1	7,0	2,3
производительность капитала	-2,7	-0,4	-2,7	-6,1
Общая экономическая производительность	2,5	5,4	2,1	-1,9
Ч е х о с л о в а к и я				
производительность труда	5,6	4,8	3,1	-0,1
производительность капитала	2,4	-0,1	-2,4	-5,9
Общая экономическая производительность	4,0	2,35	0,3	-3,0

Источник: WIW, Data-Bank

шей степени — в Польше. Повсеместно наблюдаемое снижение производительности капитала слабее всего проявилось в ГДР.

В 1981—1982 гг. рост производительности снизился драматически. Суммируя производительность труда и капитала в индексе общей экономической производительности, мы обнаруживаем „на дне” таблицы Польшу. Польше предшествует Чехословакия, несколько выше расположена Румыния, но все еще со знаком минус. В остальных странах общая экономическая производительность в 1981—1982 гг. не менялась.

Однако несколько замечаний по поводу представленной в таблице 5 статистике могут поставить под сомнение первое впечатление от нее.

Данные о численности рабочих в производственных секторах (естественно, без учета рабочей силы в области услуг и военно-полицейского аппарата) сравнительно надежны, но сопоставление капитальных фондов по отдельным странам довольно условно. Следовательно, показательны в полной мере сравнения по периодам, но не между странами.

Однако и при этой оговорке, видны тенденции в каждой стране. Таблица 5 показывает верно, что было бы упрощением считать падение темпов роста производительности результатом только неудовлетворительного функционирования механизма управления, хотя, разумеется, это падение является показателем растущей неэффективности. Но показатели производительности зависят от изменения удельного веса различных отраслей. Таким образом, в дело вовлекается зафиксированная в плане отраслевая структура. Изменения структуры органичны для экономической системы, и динамика производительности труда и капитала есть ничто иное как продукт данной системы.

Представленные выше аспекты неэффективности системы с централизованным директивным планированием — медленный рост производительности, неспособность адаптации к изменяющимся условиям, хроническая медлительность предприятий во внедрении новшества, циклические колебания и, наконец, вызванные этими факторами долгосрочные кризисные тенденции — свидетельствуют, что единственной возможностью преодолений свойственных системе пороков является реформа планирования и управления, которая изменит саму систему (Kosta, 1984, 232 и далее; Levčik, 1984).

4. Заключение

Пессимистическая оценка экономического положения в странах СЭВ и вывод о насущной необходимости экономической реформы сейчас более чем когда-либо в прошлом требует ответа на вопрос о возможности такой реформы. От этого зависит оценка экономического развития и политической стабильности стран советской сферы влияния.

Успешность экономических реформ зависит не только от проницательности и политической воли партийных руководителей, в первую очередь, московского руководства. Чрезвычайно осложняют переход к более эффективной — децентрализованной и ориентированной на рынок — системе структурные диспропорции между внутренними и внешними экономическими отношениями, между промышленностью и сельским хозяйством, между производством средств производства и предметов потребления, между производством и инфраструктурой, между накоплением и потреблением и т. д., и т. п. Это особенно относится к шести малым странам СЭВ. В СССР проведение реформы натолкнется на сложности, порождаемые размерами страны, ее региональными и инфраструктурными проблемами, не говоря уже о неповоротливости системы в целом, усугубляемой внешнеэкономическими факторами.

Проведение реформы в СССР сомнительно не только с экономической точки зрения, но и исходя из возможных политических последствий стратегии реформ. Полнокровная экономическая реформа возможна только в атмосфере свободной дискуссии, но никак не в репрессивном политическом климате Советского Союза. Подобная реформа требует передать право на принятие решений от центральных органов предприятиям, она требует ослабления мелочной опеки со стороны партийного аппарата. Все это вызов монополии власти.

Ни в одной из стран СЭВ (может быть, за исключением Венгрии) нет необходимых для изменения системы экономического управления политических и экономических условий. Все, что там официально говорится и пишется, сводится к давно известным призывам об усовершенствовании методов управления экономикой. В партийных элитах малых стран СЭВ время

от времени появляются группы, склонные к реформам и готовые на риск эксперимента, но, как правило, они уклоняются от конфликта внутри руководства до изменения позиции по этому вопросу в СССР. Именно поэтому так мало готовности в руководстве советской империи ослабить хватку своей власти и представить инициативу работникам предприятий.¹²

Ретроградные силы могущественны не только в Советском Союзе, но и в малых странах СЭВ, где консервативные группы сильно ориентируются на советское руководство. Именно поэтому, не отрицая возможности краткосрочного улучшения и экономического оживления, в малых странах СЭВ вряд ли можно надеяться на серьезные реформы — вследствие фундаментальной нерасположенности к самой идее реформ, усугубленной накопившимися внутренними и внешними проблемами. Вряд ли свойственной системе кризис будет преодолен раз и навсегда, хотя темпы роста национального продукта будут, по всей видимости, несколько выше в середине 80-х годов, чем в 1981—1982 гг. Начало нового кризиса в высшей степени вероятно, самое позднее, в конце текущего десятилетия. Только тогда, возможно, проблемы допекут в такой степени, что радикальная реформа системы станет неизбежной.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Вместо сносок с указанием источника мы пользуемся скобками, содержащими имя автора, год публикации и номер соответствующей страницы. Это корреспондируется с помещенной в конце работы библиографией.
- 2 WIW — инициалы Венского Института Международных Экономических Сравнений; RS — Серия перепечаток .
- 3 При обсуждении семи европейских стран (Болгарии, Чехословакии, ГДР, Польши, Румынии, Венгрии и СССР) выражения „Восточная Европа” или „восточноевропейские страны” употребляются применительно к шести малым странам Восточной Европы. При включении СССР употребляются выражения „регион СЭВ” или „блок СЭВ”. Отсюда частое упоминание в работе „семи” стран, т. е. СЭВ включает Советский Союз.
- 4 Первые два параграфа этой главы взяты, в основном, из работы Finka и Levčík'a, стр. 47.
- 5 FB — исследовательский отчет.
- 6 Все данные взяты из WIW Data-Bank, который, по возможности, черпает информацию из официальных источников стран СЭВ или же производит собственный расчет данных и оценок на основе доступных на Востоке и Западе источников. Это особенно относится к внешнеэкономической информации.
- 7 Отрывок о результатах экономического развития в регионе СЭВ в 1981—1982 гг. взят из работы Askanas и Levčík, стр. 320.
- 8 Эти указания на развитие в 1983 г. взяты почти буквально из работы WIW RS72 i1984, стр. 240 и посл.

9 „Военные расходы как структурный барьер”, естественно, зависят от политической системы. Мы, однако, рассматривали их здесь в свете „внешних” структурных условий, т. е. как фактор, который рассматривается относительно независимо от функционирования централизованной директивной системы планирования.

10 Общий экономический баланс включает расходы на вооружения, которые не поддаются идентификации, будучи распределены между рядом отраслей.

11 Общеизвестный феномен возрастающей в мировом масштабе редкости всех видов ресурсов (сырья, материалов, источников энергии, инвестиционных фондов и, в случае стран СЭВ, рабочей силы), в течение последних двух декад вновь и вновь ставившийся на повестку дня в Восточном блоке под лозунгом о „необходимости перехода от экстенсивного к интенсивному росту”, здесь не обсуждается. Фактом является то, что централизованно-бюрократическая система планирования советского типа не в состоянии привести в действие столь часто заклинаемый процесс интенсификации, хотя бы внутри региона народнохозяйственного значения.

12 Предстоит еще увидеть, не окажется ли недавнее решение венгерской партии, предусматривающее с 1.1.1985 г. участие рабочих коллективов в управлении, той палочкой, которая не делает весны (см. Heti Vilaggazdasag 27/1984, стр. 34 и посл.; перепечатано в Presseschau Ostwirtschaft 7/1984, стр. 23 и посл.).

БИБЛИОГРАФИЯ

Askanas Benedikt, Levcik Friedrich, Die europäischen RGW-Länder. Eine vergleichende Analyse, in: Die Wirtschaft Osteuropas und der VR China 1970—1980, published by H.-H. Höhmann, Stuttgart/Berlin 1983.

Askanas Benedikt, Levcik Friedrich, Die Wirtschaft der RGW-Länder zu Beginn der achtziger Jahre, Studie des WIIW, no year (in the text noted with the mark).

Bajt Alexandr, Investment Cycles in European Socialist Economies: A Review Article, in Journal of Economic Literature, 1/1971.

Bauer Tamas, Investment Cycles in Planned Economies, Acta Ōconomica 21/1978.

Brus Wlodzimierz, Ogolne problemy funkcjonowaniagospodarki socjalistycznej, Warsaw 1961 (trans. into English, German, French and other languages).

Brus Wlodzimierz, and others, Polen — Symptome und Ursachen der politischen Krise, Hamburg 1981.

Fink Gerhard, Auslandsverschuldung und interne Anpassungsprozesse: Das Beispiel Osteuropa, in: Externe Verschuldung — interne Anpassung, Entwicklungsländer in der Finanzkrise, published by E. U. Simonis, Berlin, 1984, pp.227-256 (in print).

Fink Gerhard, Levcik Friedrich, Wachstumsverlangsamung im RGW-Raum. Konjunkturzyklus und Strukturkrise, in: Wachstumsverlangsamung und Konjunkturzyklen in unterschiedlichen Wirtschaftssystemen, published by A. Schüller, Berlin 1984, pp. 47-79.

Goldmann Josef, Kouba Karei, Hospodarsky rust y CSSR, Prague 1967.

Goldmann Josef, Kouba Karei, Economic Growth in Czechoslovakia, White Plains 1969.

Heller Agnes, Feher Ferenc, Ungarn 56. Geschichte einer antistalinistischen Revolution, Hamburg 1962.

Kalecki Michal, Introduction to the theory of growth in a socialist economy, Oxford 1969.

Ko mai Janos, Economics of Shortage, Vol. A, B, Amsterdam/New York/Oxford 1980.

Kosta Jiri, Abriss der sozial-öconomischen Entwicklung der Tschechoslowakei 1945—1977, Frankfurt 1978.

Kosta Jiri, Die öconomische Reformdiskussion in Osteuropa, in: Wirtschaftsprobleme Osteuropas in der Analyse, published by H. Vogel, Berlin 1982.

Kosta Jiri, Wirtschaftssysteme des realen Sozialismus. Probleme und Alternativen, Cologne 1984.

Kyn Oldrich, Schrettl Wolfram, Vincentz Volkmar, Simulation des Einflusses der Planung auf die sowjetische Wirtschaft, OEI Working Papers, Nr. 37, August 1977.

Lederer Jiri, Mé Polsko, Cologne 1982.

Levcik Friedrich, Hat Osteuropa Zukunft, in: Osteuropas Wirtschaftsprobleme und die Ost-West-Beziehungen, published by H. Vogel and H.-H. Höhmann, Baden—Baden 1984.

Levcik Friedrich, Stankovsky Jan, East-West-Economic Relations in the Seventies and Eighties, WIIW, Workshop on East-West Economic Interaction, Moscow, September 1983, in: East-West Trade and Finance in the World Economy, ed. by Ch. T. Saunders.

Mlynář Zdeněk (Publisher), The Prague Spring. A scientific symposium, Cologne 1983, esp. papers by Mlynar, Brus and Heller.

Nove A. (Höhmann H.-H.), Seidenstecher G. (Publishers), The East European Economies in the 1970's, London/Boston 1982.

Šik Ota, Plan und Markt im Sozialismus, Vienna 1967 (a revised and substantially expanded version of K problematice socialistický zbožních vztahu, Prague 1964).

Šik Ota, Die öconomische Krise des "realen" Sozialismus, Wirtschaft und Gesellschaft 1/1981.

Tigríd Pavel, Arbeiter gegen den Arbeiterstaat: Widerstand in Osteuropa, Cologne 1983.

WIIW, Forschungsberichte (Fb) und Reprint-Series (RS) des Wiener Instituts für internationale Wirtschaftsvergleiche (Friedrich Levcik played a prominent part in the preparation of the materials mentioned here).